

Секция «История»

**О вариативности репрезентаций Польши в советской пропаганде и
массовом сознании (конец 1910-х - середина 1920-х годов)**

Винокуров Игорь Леонидович

Студент

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Исторический

факультет, Харьков, Украина

E-mail: ivynokurov@gmail.com

Образы окружающего мира являются важной характеристикой сознания их коллективных носителей. Они служат самоидентификации и укреплению солидарности последних, а в конфронтационных условиях взаимодействия с «другими» – мобилизации против них [3]. Существующими образами в значительной мере руководствуются те, от кого зависит принятие социально значимых решений [14]. Схемы восприятия друг друга российским и польским обществами, сложившиеся в конце 10-х – середине 20-х годов, наложили заметный отпечаток на отношения двух народов в течение последующих десятилетий, вплоть до настоящего времени.

В существующей историографии констатируется складывание в Советском государстве в межвоенный период канонической версии образов II Речи Посполитой, включающей ее видение как основного непосредственного (фактического или вероятного) военного противника, врага, и бинарную оппозицию в ее социально-классовой структуре [1, 5, 6, 8, 14]. Однако следует учитывать, что образы создавались, транслировались и усваивались людьми с различным культурным и образовательным уровнем, нетождественной политической ориентацией, неравным доступом к информации и способностью к ее критическому осмыслению, а сам канон находился в процессе становления. Цель данного исследования – изучить содержание и глубину расхождений в советских пропагандистских репрезентациях Польши и поляков, а также их маргинальные образы в массовом сознании.

В период польско-советской войны корреспонденты официальной печати, помимо вновь создаваемого образа классового противника – «буржуазно-помещичьей Польши», – прибегали к эксплуатации образов врага, генетически связанных с антипольскими этническими стереотипами дореволюционного периода. За месяц до эскалации конфликта, в конце марта 1920 г., К. Радек, руководивший печатной агитацией по польскому вопросу, предсказывал, что возможное наступление Польши позволит советскому правительству опереться на национальные чувства русского народа [11]. Вопреки введенным ограничениям [7, с. 193], на страницах органа военного ведомства появилась статья, противопоставлявшая духу великороссов «природное иезуитство ляхов», что повлекло разбирательство в Ревтрибунале [4, с. 61]. Апелляция к умеренному этническому стереотипу не исчезла и после окончания войны: «типичные поляки», одетые в военную форму, накладывали на традиционные структуры сознания читателей оболочку милитаризованного противника [10, с. 51].

В майских (1920) тезисах ЦК РКП(б) о польском фронте утверждалось, что итогом текущей войны будет провозглашение социалистической республики польским пролетариатом [13, с. 291], иными словами, последний выступал как главный субъект осуществления этой задачи. Однако уже через неделю после опубликования документа на

митинге в Шлиссельбургском уезде агитатор провозглашал: «водрузим красное знамя [в] Варшаве, устроим советскую власть в Польше» [15, л. 7], т. е. пропаганда носила мотивационный характер, субъектом социальных изменений в соседнем государстве должна была стать российская Красная армия, а польские трудящиеся выступали как нуждающиеся в ее поддержке. Принятое спустя полтора месяца большевистским руководством решение о вступлении советских войск на этнически польскую территорию означало закрепление именно этой схемы восприятия на высшем уровне [9, с. 142].

Одним из наиболее распространенных клише, описывающих польского противника, в рассматриваемый период являлось слово «шляхта» и производные от него. Постоянно повторяемое в устной и письменной речи, оно было понятно жителям территорий, входивших в состав I Речи Посполитой до ее разделов, но население остальной части Советского государства могло усваивать его вне первоначального контекста. В связи с этим в агитации на низовом уровне становились возможными такие конструкции, как «шляхта польских панов» [15, л. 6–6об], отражавшие, по-видимому, не социальную, словесную, а некую другую коллективную отрицательную характеристику противника, неопределенную для тех, кто их озвучивал.

Несмотря на глубину отчуждения, предпосланного борьбой на полях сражений и в информационном поле, между двумя народами существовали объединяющие стержни, воспроизводившиеся в печати, которые касались общности в историческом, этноязыковом и культурном развитии, а также включенности польских земель в российский хозяйственный организм до мировой войны [2, с. 9, 22]. Примечательно, что в упомянутых выше тезисах ЦК Польша была отнесена к «окраинным государствам» [13, с. 290], что указывало на ее геополитическую связь с Россией в прошлом и настоящем. Герой одного из пропагандистских произведений 20-х годов, стилизованного под беллетристику, комсомолец, отправляется вершить революцию именно в Польшу потому, что там еще говорят по-русски [10, с. 5].

Заслуживает внимания также и то, что устойчивый образ Польши как врага Советской России в массовом сознании не обязательно содержал негативную коннотацию; напротив, оппоненты советского режима смотрели на нее как на силу, способную единолично либо в союзе с другими державами изменить существующий порядок в благоприятном направлении. Периодически распространявшиеся слухи о военных действиях и успехах поляков до и после заключения Рижского мирного договора могли являться почвой как для беспокойности, так и для социального оптимизма [см., напр.: 12, с. 261–262].

Литература

1. Голубев А. В. Ресурс сотрудничества или источники конфликта? Образы Польши в советском обществе межвоенного и военного периода // Россия и Польша: долг памяти и право забвения. Междунар. науч. конф.: тез. докл. М., 2009. С. 18–19.
2. Громов А. М. Польша и поляки. М., 1924.
3. Гудков Л. Идеологема «врага». «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага. М., 2005. С. 7–80.

4. Дьяков Ю. Л. Неизвестные документы об отношениях СССР (России) и Польши в XX веке // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия: сб. ст. М., 2004. С. 50–70.
5. Костылев Ю. С. Образ поляка в официальных советских текстах // Полит. лингвистика. 2006. № 19. С. 131–149.
6. Лазари А. де. Поляки и русские глазами друг друга (постановка проблемы на материалах политической карикатуры) // Slavic Eurasian Studies. 2008. № 17. P. 111–129.
7. Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1970. Т. 51.
8. Матвеев Г. Ф. «Польские империалисты», «польские паны», «белополяки» (некоторые аспекты польского направления советской пропаганды в конце 10-х – начале 20-х гг. XX в.) // Актуальные проблемы славянской истории XIX и XX веков. М., 2003. С. 10–19.
9. Польско-советская война. 1919–1920. (Ранее не опублик. док. и матер.). М., 1994. Ч. 1.
10. Прилежаев Р. В панской Польше. Правдивый рассказ комсомольца. М., 1926.
11. Радек К. Пусть Польша это знает // Правда. 1920. 25 марта.
12. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939: док. и матер.: в 4 т. М., 2000. Т.1.
13. Тезисы ЦК РКП(б) «Польский фронт и наши задачи» // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М., 1983. Т. 2. С. 290–294.
14. Хорев В. А. О живучести стереотипов // Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002. С. 17–44.
15. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 16. Оп. 9. Д. 8998.